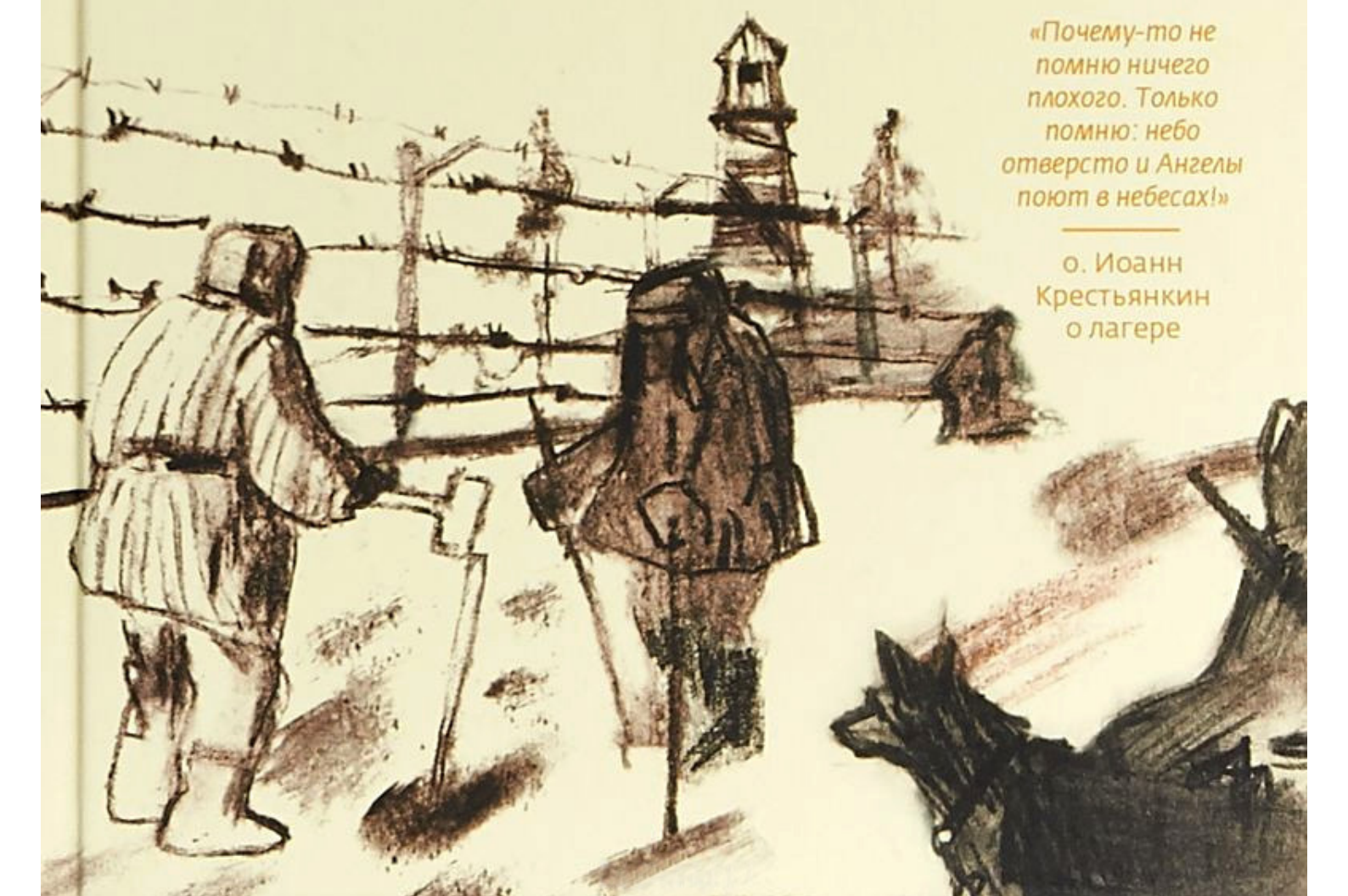

A teal-colored illustration at the top of the cover depicts several angels with large, feathered wings and halos, looking towards the viewer.

НАТАЛИЯ ЧЕРНЫХ

Рассказы
**О НОВОМУЧЕНИКАХ
И ПОДВИЖНИКАХ
РОССИЙСКИХ**

A brown-toned illustration at the bottom of the cover shows a prison camp scene. In the foreground, two figures are seen from behind, walking along a path. One figure wears a striped tunic and the other a dark cloak. In the background, there are barbed wire fences, a tall wooden watchtower, and a small building. A dark horse is partially visible in the bottom right corner.

«Почему-то не
помню ничего
плохого. Только
помню: небо
отверсто и Ангелы
поют в небесах!»

о. Иоанн
Крестьянкин
о лагере

Наталия Черных

**Рассказы о новомучениках
и подвижниках Российских**

«Никея»

УДК 242
ББК 86.372

Черных Н. Б.

Рассказы о новомучениках и подвижниках Российских /
Н. Б. Черных — «Никея»,

ISBN 978-5-91761-848-7

Написанная живо, эмоционально и проникновенно, новая книга Наталии Черных содержит множество редких и интересных сведений о жизни и служении наших святых соотечественников и подвижников веры. Автор собрала и выстроила интереснейший материал, дающий возможность еще раз осознать и почувствовать непрерывность святоотеческой традиции нашей Церкви. А главное, ощутить живую человеческую и духовную связь с этими людьми — они жили среди нас или застали наших родителей, бабушек и дедушек, ходили по тем же улицам, служили в тех же храмах, которые мы посещаем. Только несли они свой крест смиренно и мужественно, а многие из них приняли мученическую смерть.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-848-7

© Черных Н. Б.
© Никея

Содержание

От редакции	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Детство Иосифа	7
Бомба	14
Совиные крыла	18
Череп	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталия Черных
Рассказы о новомучениках
и подвижниках Российских

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИСП18-803-0084

От редакции

Во все времена церковной истории были свои герои, но особенно бережно Церковь хранит память о тех, кто ценой своей земной жизни прославил жизнь небесную. Для нас, выросших на житиях древних и не очень древних святых, подвиг мученичества представляется чем-то обязательно выдающимся и недостижимо далеким. И как-то упускается из виду недавняя эпоха гонений, явившая новую, зачастую совсем не геройскую святость. Нам хотелось бы ярких житийных сюжетов: если святости – то только в гробах, чудесах и пещерах, если мученичества – то публичного, чтобы идола падали, небеса разверзались и безбожники каялись. А новомученики страдали незаметно, тяжело, изнурительно и чудес особенных большевикам при этом не являли.

Причин невнимания к новомученикам и обесценивания простоты и повседневности, наверное, много. Возможно, из них основная – последствия того недавнего времени, когда Россия, поделив себя на палачей и жертв, охранников и заключенных, товарищей и врагов, своих и чужих, добровольно нанесла себе глубочайшую рану. Глубинные механизмы защиты от боли совершенствовались; чтобы не сходить с ума, нужно было отвыкать чувствовать, заставлять себя верить, что ничего страшного не происходит. Эти механизмы и сегодня выталкивают неудобные темы, покрывая забвением и мифами любую правду, от которой может стать больно, не дают думать слишком много о неприметных, обычных людях, сумевших вопреки всему остаться верными себе и Христу.

Наших предков, которым выпала доля умирать, убивать, жить и выживать в революциях и войнах, среди коллективизации, геноцида и репрессий в тюрьмах, лагерях и ссылках, окопах и землянках, в бараках и номенклатурных сталинках, отделяют от нас не сотни лет. И хоть трудно представить себя на их месте, и не дай нам Бог на нем оказаться, уже не можем мы оправдывать себя другими временами, другими нравами: эти люди – наши современники. Жившие в наших городах и весях, в наших домах, ходившие теми же дорогами и ездившие тем же транспортом. И среди миллионов тех, кому было проще и легче закрыть глаза и не видеть, нашлись лишь немногие, кому Христос оказался ближе всех благ земных.

Осмысление подвига новомучеников и исповедников – это не только еще один повод перебороть вековую боль и заглянуть в себя, в недавнюю историю своей страны, где в повседневной рутине переплелись судьбы палачей и их жертв. Пусть не все герои этих рассказов прославлены в лике святых и порой так обыденны их поступки – их жизнеописания дают нам, современным людям, возможность почувствовать Христа совсем рядом.

Часть 1

Вихри враждебные 1905–1927 гг

Глава 1

Тучи собирались

Когда Перов писал «Чаепитие в Мытищах», вряд ли ему открыта была глубина будущего, полного тревог и отчаяния. Художник рисовал православную страну, где служители культа почитаемы, даже ленивые и малограмотные. Картина вышла грозная и трогательная одновременно. Мытищи! Кто не знает, что в Подмоскovie это самый знаменитый город! В прошлом – важнейший торговый узел, ворота столицы. Мыть – плата, таможенная пошлина.

На картине – вечер, у стола – батюшка с чашкой чая. Не решил еще, слишком горячий чаек или нет. Все хорошо. Все на местах. Обличение нечестивого священства? Так оно всегда было, а мы, Бог милостив, живем при православном государе. Бунтовщиков не раз наказывали, да и сам Господь поможет их наказать. На рясу владыки пошло восемьсот рублей, только на материю: шелк. Ненависть мужиков? Таку них жизнь тяжелая. А будут молиться – будет и на сердце полегче.

Однако тучи собирались.

Детство Иосифа

В то, что мама не умерла, Ваня верил. Нет, не так – он знал, что мама не умерла. Ее молитвы расположили сердца ротных солдат к мальчику, потому Ваня и называл себя, даже став владыкой Иосифом, сыном полка. Нравилось ему это прозвище. Уныния никогда никакого, только дисциплина и бодрость тела и духа. Хотя надо бы сказать, что Ваня – сорвиголова, но кто ж из мальчишек не сорвиголова?

Ване было три года, когда умерла мама. В доме вдруг повисла сероватая тишина. То плеск, будто стыдится вода чего-то. То хлопчатая бумага шелестит, то женщина тихо и скоро пройдет в комнату к маме, несет новое платье. Про новое платье Ваня понял: мама уедет, как говорила, надолго. Ну, все уезжают, когда умирают. А для такой поездки, конечно, нужно новое платье или хотя бы чистое. Маму собрали, вынесли на улицу и понесли в гробу к кладбищу. Ваня влез на плетень и смотрел-смотрел не отрываясь, как несут. Запели «Святый Боже». И такое чудо! Вроде бы плакать надо, а вокруг тишина и радость. Ну почему тишина, когда вон поют? Громко поют. А все-таки – тишина.

Отец после того, как мамы не стало, ходил весь посеребренный. Видно было, что человек в печали. Хотя вряд ли Михаил Чернов рассказывал кому-то про свою печаль. Да, умерла дорогая супруга. А жить надо. Вон Ванька босоногий, один-одинешенек. Да солдаты вокруг. Могут и плохому научить мальчика. Но в глубине души не верил, что научат плохому. Рота была из лучших в 161-м Александропольском полку. Седьмая рота. «Мои детские уши слышали в солдатских казармах все, – рассказывал владыка, – но, по милости Божией, никакая зараза ко мне не пристала»¹.

У солдат были открытые, доверчивые лица. Молодые большеглазые смотрели в распахнутый мир, надеясь получить в жизни дары, воину причитающиеся. Кого-то ждала в селе кра-

¹ Вера Королева. «Свет радости в мире печали». М.: Паломник,

савица невеста, кого-то – мать. У кого-то на груди красовался ранний Георгиевский крестик. Пожилые солдаты походили на монахов. Ваня, уже став взрослым, понял, что именно на монахов похожи пожилые солдаты. Бесстрастники. Они были по-особенному опрятны, но этой земляной воинской опрятности молодые пока понять не могли. Ваню любили и баловали все – и молодые, и пожилые. Подкармливали: кто – хлебом, кто – лакомством, подбрасывали вверх, устраивая «качели». Руки пожилых все же больше походили на мамины руки, а почему? Темные, в царапинах, грубые. Но вот – походили. Теплотой. Лаской. Любовью.

Внешне Ваня напоминал мать: славянское личико, невысокий ростом живчик. Отец – из семьи старообрядцев, неторопливый. А Ваня вышел шустрый – выдумщик и егоза. И все же Ваня хорошо помнил маму. Считал, что солдаты – это все равно что мама, потому что мама им подсказывает, как с Ваней быть. Церковь, она и есть – Церковь. Про Церковь Ваня знал от отца. Отец много молился, и молиться любил. Ваня легко усвоил привычку молиться – дома так все делают. Но долго не мог понять разницы между верой отца и верой ротных солдат. Отец вроде бы православный – и молится Христу, и читит все то же, что и солдаты, но разница все равно ощущается, как тайная глубокая раночка, болит-ноет. И ничем это нытье не утолить. Ротный священник, когда Ваню окрестил, тоже говорил о Христе. Но что именно, Ваня вспомнит уже потом – чтобы не забыть никогда.

Вскоре Михаил Чернов женился. Ему было около сорока, почти старик по тем временам. В тяглом сословии, к которому Михаил Наумович принадлежал, увядание начиналось рано. Супруга, мачеха Вани, которую он полюбил почти как родную мать, была из белорусов. Всегда в хлопотах по дому, высокая – «красивая, как крымская розочка». Владыка любил розы и очень отличал их от других цветов. Возможно, Бог, видя эту любовь владыки, и поселил его в столицу роз – Алма-Ату. Почти на всех фото, где владыка запечатлен в архиерейском облачении, посох украшают только что срезанные розы. Мачеха была нрава чуткого, пылкого. И на лице, как разволнуется, – две розы. «Михаил Наумович, что ж это ты так поздно!» Очень боялась, что супруг изменит ей – он ведь заметный, на него так и хочется смотреть. Ваня детским безмолвным сердцем тут же понял эту незащищенность мачехи и всячески старался ее утешить. В рассказах о детстве владыка называл жену отца матерью.

Было ему четыре года, когда на праздник Архангела Михаила отец Вани, именинник, решил взять сына в храм. Ваня семенит за отцом, вполне собой довольный: плисовые штанишки, как у барчонка, шляпа-бриль с бантом и кашемировая легкая курточка. В Могилеве тепло даже в ноябре. Да и Ваня, росший в казармах, холода не очень боялся. Первое, что Ваня увидел в храме, – какая красота там, на возвышении. Розовая расшитая завеса, узорные врата. Возле них чинно ходят прекрасно одетые люди и поют так, что сердце Вани разорвалось бы, но на то и благодать, чтобы восполнять неможное. Ваня навсегда полюбил церковную службу. И как только отец отвлекся, сорванец – шмыг, в момент оказался возле алтаря и еще чуть-чуть – забрался бы в алтарь. Но Михаил Наумович нелегала поймал.

– Ивашка, Ивашка, Иванко, Вашутка, так нельзя, так Боженька не позволит!

И чудно было, с какой покорностью и робостью строгий отец заговорил! Будто и впрямь не на земле стоит храм, а в небе, и отец, взирая на грозные воинства небесные, не решается говорить на земном языке скорби и горя.

– Михаил Наумович, твой сын Вашутка очень рано хочет проникнуть в алтарь! – сказал кафедральный протоиерей Суторский, давая отцу Вани крестное напутствие. Непонятно было, не то грозит чем священник, не то предупредил отца о будущем Вани: будет священником. А возможно, даже монахом станет.

Когда шли домой, увидели сидящего под деревом портного Моше. Моше был лучший портной в местечке. И самый горький пьяница. Жена его, худошавая Сара, и била его, и выгоняла, и все равно принимала снова в дом.

– Горе мое, горе! Что же ты опять в грязи сидишь, а я все работай да работай!

У Моше было две дочки и сын Земка, Ванин ровесник. Старшая дочка, красавица Хава, влюбилась в проезжего шляхтича и с ним сбежала. Вернулась через полтора года, больная туберкулезом, и умерла в родах. Младшая, Фира, кажется, удачно вышла замуж в Петербурге, но с родителями никакой связи не поддерживала из-за их предрассудков. Моше вроде бы о дочках не вспоминал, но нет-нет да и сядет под деревом вот так, как сейчас. Посидит, поплачет, встанет, пьяно пошатываясь, а потом пойдет танцевать. И кричит, бывало, грозя кулаком в небо:

– Это я для Тебя танцую! Смотри, как танцую. Все для Тебя! Ты смотри только!

Начался осенний дождь. А Моше плакал и дождя не слышал. Навстречу Михаилу Наумовичу и Ване бежал Зема – забрать своего папу. И вдруг остановился, замер. Перевел огромные, горчичного цвета глаза с Михаила Наумовича на Моше. Потом посмотрел на Ваню. Голую жеребьячью шею обвивал ветер. И вдруг Зема поднял руку, чтобы защититься от резкого порыва ветра. А казалось – будто защищается от Вани.

– Зема, Зема, – крикнул Ваня, – твой папа простыть может! Пойдем, поможем ему!

И тут Моше встал. Возможно, увидел Земку. Подскакивая, сделал несколько шагов. И сказал не то Михаилу Наумовичу, не то снова в хмурое ноябрьское небо:

– Вот я сына родил. Это и вам, господин, понятно – как сына родить. Только и есть что сын, и через него у Моше все есть.

И, крепко сжав Земкину ручонку, почти побежал впереди Михаила Наумовича и Вани. Зема оглянулся на бегу, едва не упал. Ваня поразился тому, с какой надеждой смотрит на него Зема, будто просит чего. Вряд ли Ваня понял, чего именно просит Зема, но что просит – ударило в самое сердце. Да, просьбы. Как их много! Старик, потративший на дочерей здоровье и силы, но опустошенный, как осеннее птичье гнездо; его жена, у которой в муже и детях заключилась вся Вселенная; Земка, которому, наверное, просто больно жить, потому что он любит родных и не может сделать так, чтобы все снова стали счастливы, как было когда-то, – все они были беззащитны перед огромным общим земным горем, которое уже однажды коснулось Ваниного сердца.

Ваня чувствовал, что Моше говорит с Господом. Любовь, а не отчаяние заставила Моше танцевать его танец. Именно потому, что в Моше жила любовь – к детям, к жене, к Богу, – Земка и приходил за ним к его дереву. Любовь порождает любовь. Там, в храме, удивительные люди, может быть, стоящие ближе к Господу, чем пьяненький портной, говорили с Господом о том, как горек человеку мир, призывали Его в помощь, видя в Нем Едином веселие и сладость.

Детское сердце легкое. Ваня скоро забыл эту странную встречу. Но кто знает, владыка Иосиф, возможно, не раз вспомнил плачущего старика-портного. Запрещенный к служению на два года, переживший челябинские лагеря, владыка плакал за печкой в храме, как дитя, желая служить литургию.

Прошло несколько лет. Михаил Наумович закончил службу. Вышел приказ об отставке. Мачеха Вани жила на Луполове, это район Могилева, и семья, которой теперь нужно было жить своим домом, обосновалась у нее. Ваню вскоре узнала вся улица. Шило в одном месте, говаривали еврейские мамочки, но принимались искать что-то вкусное. Ваня был хороший, верный товарищ их сыновьям, да и не любить Ваню было нельзя.

Однажды ватага мальчишек собралась в архиерейскую церковь. Подворье было устроено наподобие монастыря. Ваня проник в заднюю часть и... застыл как вкопанный. Он увидел монаха в полном облачении! Красота какая невероятная! И мантия, и клобук, и наметка – все было изумительно хорошо, божественно хорошо. Может быть, сердце восьмилетнего мальчика тогда впервые ощутило силу данных ему ангельских крыл. Когда Ваня вернулся домой, в мыслях была только эта уходящая в небеса, бесконечно стройная фигура молящегося человека, близкого к ангелам. Владыка Иосиф так просто и скажет: «Я влюбился в монашество на всю жизнь».

Восьмилетний Ваня, ничтоже сумняшеся, взял юбку мачехи, со складками, как на мантии монаха, надел на голову синий судок и... побежал на улицу – играть в монахов. Игра, как ни странно, прижилась. Даже «литургию» служили.

– Хотите Троицу гулять на чердаке? Собирайся, народ!

Чердак стал храмовым пространством, юбка с сорока складками – саккосом, синий судок – клобуком. Ближе к зиме появлялись тыквы, и из них делали митры.

Понятно, Ваня был «архиереем Мстиславским и Могилевским», а пестрая компания всех возрастов – его «паствой». Здесь были и Зема, вытянувшийся, очень серьезный, и Роза с Хаечкой, с такими же жеребьячьими шейками, как у Земки когда-то, и тихий белорус Янко, и Мишка с Гришкой и Васькой. На чердак влезть не каждому под силу. Приходилось старшим младших и более слабых поднимать в корзинах на этот детский Афон, в детское Царство Небесное. Здесь было все, что нужно для архиерейской службы: и «дикирии», и «трикирии», и даже свечи. Свечи – настоящие, тайком взятые в монастыре огарки. Не было среди необходимых предметов только распятия: страх перед святыней останавливал детей.

На чердаке было полутемно и душновато. Здесь сушили веники. Действительно – Вечная Троица! Вот только огненных языков не хватает...

«Повелите», – ломким баском возгласил Зема. «Поя, поя, поя», – тоненько затянули Роза с Хаей и Груней. Но – надо же такому случиться – едва Ваня осенил широким крестом, благословляя, свою «паству», «огненные языки» и появились: загорелись сухие-пресухие веники!

Ваня «разодрал ризы», велел связать веревки и начать «эвакуацию молящихся». Все, в целостности и сохранности, покинули чердачный Афон. Огонь кое-как погасили, ущерб, конечно, был, но незначительный.

Среди игравших была одна девочка, Анечка. Она любила порассказать Ваниной маме про его шалости. Зная это, Ваня строго-настрого запретил ей говорить. «Не гуляли Троицу на чердаке, не было огня, ничего не было! Так запомни, ничего маме не говори!» Но – пламя не спрятать.

Дети разошлись, делая вид, что ничего не было. Анечка же, направляясь домой, встретила маму Вани и все ей рассказала. Что тут началось! Мачеха Вани женщина была незлая, однако ж паршивца следовало наказывать. Игра в священника казалась кошунством. Вымочила мачеха веревку в огуречном рассоле, который коровам для аппетита дают, и начала Ваню хлестать. Что наделал, зачем пожар устроил... А Ваня:

– Я только народ крестом осенил, дикирем...

Мачеха слегка смутилась:

– Який народ?

Ей представился большой храм, теснота церковного праздника. Да это же Троица! Троица благословенная, самый любимый и почитаемый в Могилеве праздник. Показалось, что она даже слышит запах листьев аира, приносимых вместе с молодыми ветвями березы. И вдруг из алтаря выходит Ваня, в полном архиерейском облачении! Его архиерейский жезл увит розами. Да такими крупными и душистыми, каких никогда не видела. Только зовут Ваню теперь по-другому. А как – не расслышала. И все собравшиеся слушают Ваню, что он говорит, слушают внимательно, едва дышат...

Из видения женщину вывел срывающийся от волнения мальчишеский голос:

– Да все ж были. И Земка с Еськой... и все... И Миша, и Роза...

Рассвирепела мачеха и сильно Ваню отхлестала соленой веревкой. Глядя на такие попытки за веру, брат Вани Алексей подошел и сказал:

– Мама, если ты Ваню бьешь за веру, то и меня побей: я тоже верую в Бога.

Досталось и этому «мученику» соленой веревки. А Ваня отполз за печку, чтобы мама кочергой не достала. Но тут Бог миловал – пришел отец, и мама смирилась.

Только в доме водворился мир, прибежала Земина мать, Сара. Кашляет, глаза горят, чем-то возмущена. Ваня еще издали в окошко увидел ее пунцовую шаль, в которую Сара куталась даже в жару, и черную кофту с длинными рукавами. С мачехой Вани у Сары были теплые отношения, женщины порой плакались друг другу на жизнь. Но у Сары были свои представления о чистом и нечистом.

– Ты слышала, что твой-то с моим сделал? Опять помазал его тем скверным вонючим маслом, я видела! На лбу до сих пор пятна!

Масло было от лампадки. Помазывал Ваня свечным огарком, крестообразно, как в церкви видел. Потому и пятна у Земи на лбу. Хорошо еще, Сара креста не разглядела – поняла бы как-то не так и еще больше расстроилась.

Мачеха вышла навстречу и ласково так сказала:

– Сарочка, чово ты ругаешься? Хай дети играют в попы, в дьяки, в раввины, хай играют. Только б не бились!

Сара расплакалась, женщины обнялись и пошли шептаться о своем, бабьем.

Ваню порой приглашали «послужить» вне родного чердака. К месту служения ватага шла «крестным ходом»: человек двадцать разного возраста сорванцов. Пели кто во что горазд: «тон деспотии» и «помя, помя, помя». Ваню слушали остальные во всем, что касается хода службы и песнопений «богослужения».

«Благодать» обильно изливалась и на соседские огороды: из тыкв и кабачков делали «митры» и «потиры», из подсолнухов, вырванных едва не на бегу, бывало и с корнем, – «рипиды». Какой же крестный ход без рипид? Но только хозяйкам это ох как не нравилось – попробуй поймай, когда сама немолода, легконогих похитителей. Ругалась-ругалась Домна на такое «благочестие», особенно на Ваню, заводилу, но ничего поделать не могла. Из надсаженной непосильным трудом груди полились вдруг черные проклятия: «Чтоб тебя мать твоя на кладбище снесла!» Будто других слов в человеческом языке нет. И муж Домны, Трофим, и дочь их Мария очень печалились, терпя воровство мальчишек. Ни сеют, ни жнут.

Владыка Иосиф, рассказывая духовной дочери о своем детстве, признался, как бы смущенно, что эту семью – Домну, Трофима и Марию – он уже пятьдесят лет поминает на проskomидии, ибо в детстве воровал кабачки и тыквы с их огорода.

Довелось Ване, уже будучи владыкой Иосифом, побывать в родных местах после Великой Отечественной. И чудо, что некоторые из еврейских детей, с которыми играл в детстве, оказались живы. Бог сохранил их от войны и плена. Жив был и Зема – теперь уже старик, портной, как и его отец. Жена Земи угощала владыку Иосифа гефилте – фаршированной щукой. А Роза так и сказала, что уцелели они потому, что Ваня их крестил и помазывал. И все улыбались, вспоминая эти «киндер шпилен». Детские игры.

Владыка Могилевский Арсений (Смоленец) дал Ване при постриге имя Иосиф, в честь Иосифа Прекрасного – «чтобы людей кормил». Однако если «кормить людей», то, значит, будут и предавшие братья, и богатый дом, и начальство в нем, и темница, и, конечно, видения, посылаемые Богом для поддержки людей в их запутанной жизни. Все названное Ваню ожидало и уже отчасти начало сбываться.

Брат отца Вани, Василий Наумович, рассчитывая получить продвижение по службе, приехал в Могилев и поступил курьером в гимназию. Человек он был общительный, внимательный, честолюбивый. Вскоре получил повышение – перешел на квартиру к директору гимназии, тогда генералу. У генерала Свирелина был единственный сын Володя. Ваня, известный живчик, полюбил бывать у дяди. Ему понравился сад, понравилось играть там. Дядя быстро нашел Ване дело: собирать и резать яблоки и потом нанизывать их на нитку для просушки. С Володией Ваня подружился и обучил его своим любимым играм: в литургию, в крестный ход. Настало Рождество. Василий Наумович попросил генерала пригласить Ваню на елку. Генерал позволил. Так Ваня впервые оказался в господском доме. И, взявшись за руки с детьми-дво-

рянами, водил вокруг елки хоровод и пел. В подаренной Ване хлопушке был маскарадный костюм: рыцарский плащ. Этот плащ напомнил Ване фелонь. И снова захотелось петь, как когда-то: тон деспотии...

Ваня и не скрывал, что больше всего на свете хочет быть монахом. На Володю такое желание произвело сильное впечатление. Генерал, узнав об играх товарища своего сына, пожелал им содействовать. Мальчикам сшили красивые бархатные стихарики малинового цвета, сделали деревянные свечи, которые Ваня сам и с любовью «обложил золотом» – фольгой-поталью. Мальчикам даже разрешили «пономарить».

Однажды им позволили поучаствовать в малом входе на субботнем всенощном бдении. Мальчики чинно вышли, чинно поклонились, к немалому удовольствию священника. Ученики гимназии оценили таланты своих товарищей. Но какая же разница была между медлительным, мягким Володей и быстрым босоногим Ваней! Что-то обязательно должно было произойти, и вскоре произошло.

В конце ноября Ваня еще бегал по саду босиком, собирал последние яблоки. И так увлекся, что забыл о начале всенощной. Как вспомнил – бегом-бегом, успел, но надеть сапоги забыл. Облачился в стихарик, взял свечу и красиво, павою, исполнил положенный выход. Только когда священосцы расходились, строгий-престрогий владыка Стефан заметил, что из Ваниного стихаря торчат голые ноги в цыпках и ранах. Даже сукровица сочилась. Непорядок! Кровь на солее! Очень строго относился владыка Стефан к тому, что на солее происходило. Однако вида не подал, хотя Ваня, сто глаз, увидел, как архиерей изменился в лице. Улучив момент, владыка шепнул Ваниному дяде: «Василий, Ваньку вытрясти из стихаря и прочь отсюда выбросить, и чтобы духу его тут не было». Так и закончилось первое пребывание Вани-Иосифа в «доме правителя».

Владыке Стефану довелось снова встретиться с Ваней, когда тот стал уже владыкой Иосифом, а сам пожилой Стефан – его секретарем. Владыка Стефан, узнав, что именно Ваню-Иосифа он когда-то велел выбросить из алтаря, просто испугался. Что-то сделает с ним начальник? Но бывший Ваня, а теперь владыка Иосиф только улыбался, слушая трогательный рассказ о малом входе и босом мальчике с деревянной, обложенной поталью свечой. И дядю своего Василия, и владыку Стефана, и генеральского сына Володю, ставшего морским офицером и погибшего в сражении за родину, владыка поминал всякий раз, когда служил литургию.

– Твою благодарность, Ваня, только Поселянин смог бы описать, – не то в шутку, не то всерьез сказал как-то Ванин покровитель, владыка Арсений (Смоленец).

В судьбе Вани принимала участие Сама Царица Небесная. Было так: в конце мая окрестные жители собрались чествовать любимый чудотворный Ее образ. Дорогу, которой ходили с иконой от монастыря, обычно усыпали цветами. Ваня и раньше заготавливал несколько корзин нежных лесных ландышей. Предварительно вычислял, на каком расстоянии эти корзины расставлять, чтобы цветы для Царицы Небесной не заканчивались. Но в этом году ландышей почему-то не хватило. Тогда Ваня насобиравал что было – ромашки, цветущую крапиву, репей. Доверчивая глубокая зелень сама ложилась в руки. Желтоватые сережки цветов крапивы звенели наподобие ландышей. Репей пах медово и смотрел огромными лиловыми глазами с длинными ресницами. Дорога перед иконой была вся усыпана цветами, но никто и не заметил, что под ногами вместо ландышей – цветущая крапивка... Ландыши снились владыке и в лагерях.

В 1925 году владыку Иосифа отправляли в первую ссылку. Люди, его любившие и знавшие, пришли провожать, хоть это было и опасно. Заканчивалась осень, приближались холода, первый снег. А Владыку осыпали белыми астрами, свежими и прохладными. В онемевшем сердце сами собой возникали слова утешения: «Это Царица Небесная о том бурьяне вспомнила!»

В Киеве, некогда сердце земли Русской, Ваня оказался впервые в восемь лет. Жили они с отцом недалеко от университета. Город очаровал Ваню сразу. Ох как понравились его улицы,

по которым ходить ноги не устают! Каждый раз, возвращаясь с прогулок по городу, Ваня проходил мимо университета. Раз видит – дверь открыта! Ваня зашел внутрь. Широкая мраморная лестница с ковром, прикрепленным медными шпильками. Солнечный луч лежит на ковре, отчего тот кажется еще более красным. Тишина медовая! И – ни души. Ваня, очарованный лестницей, сделал несколько шагов.

Вдруг из-под лестницы выскочил дед с медалями на груди и с дубинкой – ветеран войны, а теперь швейцар:

– Ты что здесь делаешь? Тут люди учатся, тут университет!

Какой грозный у этого заведения страж!

– Мне лестница понравилась... Я посмотреть только!

Когда владыку Иосифа спрашивали, не в академии ли он получил образование, он отвечал с улыбкой: «Да, я и в академии лекции слушал, и в университете на лестнице был. Но помешал моему образованию швейцар. Ох, помешал он мне тогда! Ну босиком же мальчик и в шапке. А тут пальто висят, я ведь мог прихватить чье-нибудь! Швейцар был прав. Мог бы и палкой дать».

Чтобы мальчик освоил ремесло, за которое имел бы кусок хлеба, отец отправил его к родственникам. Те были бездетны и приняли Ваню охотно. У них был винодельный заводик и контора по производству гробов. Вполне традиционное русское сочетание ремесел. Ване понравилось мыть бутылки для вина, смотреть, как вино разливают в эти бутылки, и спать в гробах. Эта винодельня, возможно, тоже возникла из видений Иосифа Прекрасного. Виночерпий, как увидел Иосиф в одном из своих снов, был спасен.

Мысль о монастыре Ваню не оставляла. Но и работа нужна была. Возникла двойная жизнь. Один Ваня мечтами уносился в монастырь. А другой, живчик, ловко переставлял только что вымытые бутылки и стрелял глазами в нового, немного подозрительного посетителя.

Нареканий на парнишку не было. Считалось, что Ваня – святой, потому что ходит в собор молиться и ведет себя вполне чуждо – почтительно. Случилось, что в город по реке привезли мощи Евфросинии Полоцкой. Ваня конечно же у мощей побывал, и не один раз. И вот, накануне отъезда святой, Ване приснился сон. Ему явилась Евфросиния Полоцкая.

Владыка Иосиф рассказывал о святой как о живой. Как о... женщине, в которую влюблен. Уже тогда в его душе пробудилась полная и радостная, совершенная жизнь Божественной любви, не ведающей смущения, потому что чиста. И сон с Евфросинией – не новый ли подарок от предка Христа по плоти?

Святая поднялась из гроба, сияя Божественной славой и жизнью. Что было мертвенно, воскресло ее мановением. Ваня смотрел на святую, онемев от внезапного счастья. И проснулся. Спал он в гробу. Сердце окончательно высказалось за уход в монастырь.

Едва ли не на следующий же день Ваня пришел к дяде, Василию Наумовичу, и попросил содействия. Василий Наумович обратился к генералу Свирелину с просьбой, а тот дал рекомендательное письмо владыке, аттестуя Ваню как очень способного мальчика и родственника своего сотрудника. Тогда не говорили «слуга», а говорили «сотрудник». С Ваней пошел провожать его в монастырь брат его Алексей. Как поразительно непохоже сложатся судьбы братьев! Алексей станет советским прокурором. Во время войны его расстреляют немцы. Владыка Иосиф будет до самой смерти молиться о своем брате.

Мачеха дала сыновьям на дорогу три копейки и отрезала хлеба. Вот и все нехитрое снаряжение будущим монахам.

Верст за двенадцать до монастыря мальчишки слышали, что за ними кто-то едет. Разбойники? А ну как нападут, бросят в бочку, уволокут незнамо куда. Ваня решил уйти в лес, на всякий случай. Шепнул Алексею: «Уходим». И сам совсем было дал деру, но фаэтон внезапно остановился, и оттуда раздалось:

– Мальчики, мальчики, куда вы идете?

В коляске оказался не разбойник, а архимандрит. Хорошо одетый, с посохом, разглядывает крестьянских детей с интересом.

– Так куда вы идете?

– В монастырь! – бодро ответил Ваня.

Прочитав письмо генерала, отец Арсений, которому предстояло стать учителем будущего владыки Иосифа, сказал:

– Мальчик, ты уже принят в монастырь! Давайте вашу сумочку с сапогами.

Бомба

Это была бомба. Мгновенная, самодельная и точная. В воздухе появился беспощадный запах войны – земляной сырости, с кровавистым привкусом. Лошади учуяли этот запах первыми, оторвались и понесли. Их надо было немедленно пристрелить. Городовой, полный мужичок с добродушным лицом, стреляя, только сказал:

– Лошадки!

Глаза его стали сырыми. Городовой и раньше любил смотреть на эту красоту, только у великого князя была такая изысканная коляска и такие красивые «лошадки». Сильные, высокие животные. С ресниц лошадей тоже текло, на серо-кровавый снег. Грузноватая фигура кучера мягко упала рядом с лошадками. Городовой, еще глазам не веря, искал великого князя. Бог хранит своих людей, так что великий князь должен быть где-то здесь, невредимым или легко раненным. Но бомба была настоящая: от великого князя осталось дымящееся месиво.

Террористы! Террористы! Кто не знал этого слова. Поколение выросло на баснях о народных героях – сильных людях, пишущих в неволе стихи, как Вера Фигнер, или спаливших себя заживо в царских застенках, как Мария Ветрова. Мало кто знал об Ольге Пузыто, маленькой, вечно страдающей сотруднице разведки, провокаторше. Но именно она исчерпывающе представляла этих новых людей. Стеснялась брать в долг без отдачи, тщательно считала количество листовок и ассигнаций. Никто не сказал бы утвердительно, за кого она: за власть или за социалистов. Таких было большинство. Они напоминали только что прибранный дом без хозяина. Новое время формировало новых героев. Франтоватый поляк Дзержинский, артистичный умница Бауман.

Каляев, совершивший покушение, будто и не огорчился, когда поймали, держался замкнуто. Он чем-то напоминал Раскольников. Следователю стало не по себе: ветер доносил запах крови. Известно было, что в Москве работает целое бюро террористов.

– Я казнил его, – сказал Каляев, и это выглядело почти величественно. – Я исполнил приговор справедливости и правды.

Адъютант великого князя Сергея Александровича искренне не знал, что ему делать. «Как я скажу ей? Как?» Однако надо сообщить великой княгине все как есть. Наконец адъютанта пригласили в покои великой княгини. Елизавета Феодоровна стояла у окна. Повернула к нему пугающе-спокойное лицо, как будто ожидала страшной вести. Он и ранее не раз имел возможность убедиться, что у Елизаветы Феодоровны жесткая воля и мужской ум. Она дала ему сказать все, как он хотел. Не села, ни разу не перебила, не разрыдалась. Затем провела рукой по платью и вдруг сказала:

– Сейчас едем.

Затем приказала одеваться.

Место происшествия было оцеплено. Уже собралась толпа. Крики ужаса перебивались криками ликования. Казалось, что толпа состоит из двух вороньих стай, которые что-то делают. И снова этот окопный кровавистый запах... Носилки для того, что осталось от великого князя, искали довольно долго. Великая княгиня прибыла одновременно с носилками.

– Па-а-азвольте, ваше высочество, вам туда нельзя... Всенепременнейше прошу меня послушать...

Она шла как во сне. Подняла глаза на городского и протянула ручку:

– Очень вас прошу.

Городовой отступил. Елизавету Феодоровну в Москве знали хорошо. Порой она бегала на благотворительных праздниках как девочка. Нельзя было поверить, что это старшая сестра государыни. Та была дама, и чужая, а эта... эта была своя. Царевна из сказки.

Когда она увидела месиво и части тела, вспыхнула. Коротко. Потекли слезы, но она не стала их вытирать. Сделала знак, чтобы носилки поднесли поближе. Сложила шубу и перчатки кому-то на руки, поправила что-то черное поверх платья, встала на колени и... взяла в ладони руку великого князя.

– Ваше высочество, вам... вы...

Толпа ахала. Бабы взвыли и запричитали. Только бабы и могли понять, что надо делать: она-то плакать теперь вряд ли сможет.

Ловко, движениями опытной медсестры, великая княгиня поднимала части тела и укладывала их на белое, постеленное поверх носилок, стараясь сохранить, как будто для погребения важно, в целостности ли сердце и печень разорванного бомбой человека. Сердце было в целостности. Не разорвалось.

Собрав все, спросила:

– А что кучер?

Она любила Андрея, этого простоватого улыбчивого парня.

– Спрашивал, жив ли Сергей Александрович. Ему недолго осталось. Чрево распорото-с.

– Я поеду к нему, чуть позже.

Вернувшись, она села за бюро, написала несколько писем, отдала распоряжения. Приносили чай, но она едва смочила губы. Затем велела освежить синее платье, в котором была утром, и стала прихорашиваться перед зеркалом. Затем снова велела подать коляску.

– Едем к кучеру.

Андрей умирал от потери крови. Но ее он увидел сразу, зашевелился и тут же заорал от еле переносимой боли. Из горла вырвались только невнятные звуки. А она склонилась над ним, погладила лицо и поцеловала в лоб. Попросила воды с уксусом – умыть и снять жар. Затем попросила спирту, растерла умирающему виски.

– Жив ли? – спросил кучер.

– Жив. Я к вам от него.

Это была не совсем ложь. Присутствие мужа она ощущала так сильно, как было в первые месяцы, когда он даже давил на нее своим строгим характером. И муж сказал ей: «Андрей мне сегодня понадобится».

Ночью кучер скончался.

Елизавета Феодоровна утром следующего дня на литургии причастилась Святых Таин. В храме стоял гроб великого князя, скрытый богатым покровом. Когда подходила к гробу, сердце было уже спокойным, насколько это возможно. Однако вздрогнула: Сергей Александрович будто подошел и встал рядом.

Два дня Елизавета Феодоровна провела у гроба великого князя. Два дня он словно не решался сказать ей, что хотел сказать. На третий день сердце ясно произнесло: «Иди к Каляеву, возьми с собой Святое Евангелие. Подари ему. Скажи, что я его простил».

Она встала, поспешила в дом, велела приготовить платье, переоделась. И поехала в тюрьму, к Каляеву.

Свидание ей разрешили не сразу. А какое у него лицо, у этого Каляева?

Каляев оказался действительно немного похожим на Раскольникова.

– Зачем вы здесь? Хотите рассердить меня своей показной добротой? Я знаю, что вы притворяетесь.

Елизавета Феодоровна заметила, как он бледен.

– Вам ничего не нужно? Вы не больны?

Он не выдержал:

– Прекратите!

Затем сказал с неожиданным теплом:

– Я много раз видел вас вместе с ним. Я не хотел убивать вас. Но я убил его. Я казнил его! Жестокого и бесчувственного человека, одну из главных частей механизма угнетения.

Она ответила вопросом:

– И вы не поняли? Вы ничего не поняли?

Каляев осекся, затем повторил:

– Когда вы были с ним, я не решался его тронуть!

Он, вероятнее всего, был просто зол. А она сказала почти просительно:

– Вы действительно не поняли, что, убив его, вы убили меня?

Каляев отошел от нее, отвернулся: мол, уходите. Тогда она достала Евангелие.

– Сергей Александрович просил меня навестить вас. И просил передать вот это – Святое Евангелие. Он прощает вас. И я надеюсь, что вы покаетесь. Хотите, я позову священника?

Каляев молчал.

– Я очень прошу вас принять Евангелие и икону.

Но он отказался.

Елизавета Феодоровна, оставив принесенное в камере, отправилась писать прошение на высочайшее имя о помиловании Каляева. В просьбе ей отказали.

Вскоре Елизавета Феодоровна, решив посвятить себя делам милосердия, продала имущество и драгоценности, купила усадьбу и сад на Большой Ордынке. Идея небольшой женской обители, устроенной по образу древних диаконис, очень нравилась великой княгине. Над архитектурным проектом обители, названной в честь святых сестер праведного Лазаря, работали лучшие мастера Москвы – Щусев, Фрейденберг, Стеженский. Главный храм – во имя Покрова Пресвятой Богородицы – архитектурой и белыми стенами напоминал о первых церквях, построенных на Руси. Духовником обители стал протоиерей Митрофан (Серебрянский), будущий исповедник, человек огромных духовных дарований.

Великую княгиню стали называть Великой Матушкой. Во время Первой мировой войны в полковом госпитале Елизавета Феодоровна ассистировала врачам при операциях. Говорили, что, если великая княгиня хотя бы присутствует, операция проходит удачно и оперируемый почти не чувствует боли. Порой раненые просили позвать ее к ним, чтобы она находилась рядом.

Ее поистине Божественное милосердие простиралось и на тяжелораненых военнопленных. При участии Елизаветы Феодоровны организована была в Москве мастерская по сбору протезов. Детали шли с Петербургского завода. Небольшое частное производство развилось в крайне необходимую медицинскую отрасль, которой ранее в России внимания не уделяли.

Беспризорники Хитровки носились за матушкой Елизаветой босоногими табунками. Она помогала всем, стараясь никого не обойти вниманием, – буквально тащила людей из горя и нищеты, как тащат из воды утопающих. Рейды ее высочества по Хитровке часто смущали городских: великая княгиня – и без сопровождения.

Прошло двенадцать лет со дня убийства великого князя. В феврале 1917 года в Марфо-Мариинскую обитель, еще действовавшую, явилась новая власть: посмотреть, как живут сестры.

Один из вошедших, экзальтированный студент, неумело направил на нее дуло, хотя сопротивления не было. Видимо, револьвер он держал первый раз в жизни.

– Опустите свою руку, – сказала матушка Елизавета, с достоинством отстранив дуло. – Ведь я же женщина.

Студент револьвер убрал и вышел из комнаты.

Весной 1918-го, на Пасху, к ней снова пришли с арестом. Отряд чекистов, молодые ребята. У некоторых такие злые глаза. Она уже научилась распознавать этот взгляд. И поняла, что впереди – смерть. Но Кто-то сказал в самое сердце: «Пой Херувимскую».

Июльская жара на Урале, когда воздух полон насекомых, – испытание не из легких. Ночная прохлада дает отдых. Однако в эту ночь, на 18 июля 1918 года, жители Алапаевска спали плохо: в третьем часу ночи послышалась стрельба, крики, шум, странные звуки.

Наутро весь город говорил о том, что «князей» – арестованных, содержавшихся под стражей в Напольной школе членов семьи Романовых – похитили на аэроплане враги революции. Этому отчасти верили.

Дверь в помещение, неопрятный школьный класс, не запиралась. Женщины – великая княгиня Елизавета Феодоровна и ее келейница Варвара – спали.

– Вставайте, одевайтесь, – раздалось вдруг в комнате.

Женщины встали, оделись. Одежда была легкой – лето! На Елизавете Феодоровне белый апостольник, на монахине Варваре – черный.

– Сейчас вас отвезут в безопасное место.

Елизавета Феодоровна молча повиновалась. Келейница последовала за ней. Это была уже пожилая худощавая строгая женщина. Перевоз в безопасное место начался настоящим нападением. Едва пленницы оделись, им велели встать и не двигаться. Затем вдруг стали связывать руки за спиной, а потом завязали глаза. Уже с завязанными глазами, посадили на подводу и куда-то повезли. «Пой Херувимскую!» – вспомнилось Елизавете Феодоровне.

Какое-то время подвода тряслась по плохой дороге, пахло лесом. По звукам пленницы могли понять, что великие князья находятся рядом с ними и кто-то из них ранен. Елизавета Феодоровна слышала, что один из узников пытался сопротивляться, был характерный шум и возгласы. Затем послышался выстрел. Князь Сергей Михайлович, как поняла она. Он ранен!

Наконец подвода остановилась, и всех повели куда-то в полной тьме. Потом – удар обухом. И взрыв: кажется, она уже где-то слышала этот звук.

В заброшенной шахте рудника внизу оказался настил. Узники, раненные, упали на перекрытия. Под настилом – ядовитая рудничная вода, погасившая с шипом осколки неловко брошенных гранат.

Один из исполнителей занервничал, решил закурить. В кармане оказался кошелек с табаком великого князя. «Нет, надо выбросить. А то привяжется, нечисть». И он бросил вещь в шахту. Падения небольшого мягкого предмета слышно не было.

Повязка наконец спала с глаз, и Великая Матушка смогла увидеть, что творится вокруг. Восемь человек буквально повисли на перекрытиях шахты, Иоанн Константинович и Сергей Михайлович были еще живы. У Елизаветы Феодоровны сильно болело в груди, но ей удалось оторвать часть апостольника и перевязать голову Иоанна Константиновича. Где-то рядом слышался негромкий голос келейницы Варвары, певшей: «Спаси, Господи, люди Твоя...» Голос становился все тише и тише.

– Слышь, поют в лесу? – спросил один мужичок другого.

– Вроде в шахте. Да нет, это ветер.

В конце сентября 1918 года войска адмирала Колчака заняли Алапаевск. После долгих поисков тела погибших, почти не пострадавшие от тления, были обнаружены. Рука великой княгини была сложена в крестном знамении. Рука ее верной келейницы – тоже.

Когда летом 1919 года армия Колчака вынуждена была отступить из Алапаевска, игумен Серафим (Кузнецов) составил ходатайство о разрешении на перевозку гробов с телами невинноубиенных. Составляя ходатайство, игумен едва не добавил «мучеников».

Вагон с телами расстрелянных в Алапаевске подходил к китайской границе. Из одного гроба шло чистое как слеза миро. Это был гроб великой княгини, Великой Матушки.

Совиные крыла

Хорошо одетый молодой господин, по виду служащий судейской или адвокатской конторы, спешил. Он совсем недавно получил место здесь, в Кронштадте, переехал с семьей из Петербурга и всего несколько дней ходит на службу. Выбранная им квартира – четыре небольших комнаты недалеко от Андреевского собора – очень приглянулась ему, супруге и детям.

Молодой человек слышал о знаменитом отце Иоанне (Сергиеве), который служит в соборе. Он даже видел его портреты. У него сложился образ невысокого худенького священника в тяжелом облачении, с прямой спиной и хорошо поставленным голосом. Но воочию отца Иоанна молодой человек не видел и изумлялся громкой известности, которую приобрел простой батюшка: почти как оперный певец!

Площадь перед собором внезапно изменилась. Вчера еще молодой человек спокойно шел на службу и вокруг было сравнительно немногочисленно. Хотя уже тогда он заметил небольшие группки ожидающих – как бедняков, так и прилично одетых. Сегодня же к собору неслась лавина народа. Молодой господин попытался уйти от толпы, но все же оказался втянутым в водоворот.

В центре завихрения оказалась наемная коляска, из дорогих, внутри которой кто-то сидел. Казалось, что сейчас эту коляску поднимут и понесут на руках, а потом выломают ею двери собора. Молодого господина сжали с двух сторон. По левую руку шла, опираясь на его плечо, худая, плохо одетая женщина с неестественно блестящими глазами. По правую руку семеня священник, примерно его возраста, с приятным, но взволнованным лицом.

– Что происходит? – едва смог выговорить молодой господин.

– Отец Иоанн из Москвы вернулся, – ответил священник, попытавшись сделать шаг в сторону коляски. Но вдруг перед ним проскользнула группа людей более ловких.

– Да вы разве ничего не знаете? – низким, завывающим голосом сказала женщина. – Это Спаситель! Сосуд Пресвятой Троицы!

Спустя мгновение каким-то необъяснимым образом они все втроем оказались возле коляски. Та вдруг остановилась, и на всей площади наступила тишина.

– На колени! – взвыла женщина и бухнулась на ботинки молодого господина. Священник рядом благоговейно и как-то по-детски сложил руки – как будто он собрался получить благословение отца.

Дверца коляски открылась, и оттуда вышел невысокий, худощавый и очень хорошо одетый человек – отец Иоанн. В этот момент толпа ударила сзади, так что все трое – женщина, молодой господин и священник – оказались у ног отца Иоанна. А он чуть наклонился к ним, словно хотел поднять, погладил одновременно всех троих по головам. И, казалось, не только их, а всех, кто был сейчас на площади. Молодой господин еще не успел тогда разглядеть лица Пастыря. Они со священником в момент падения схватились за руки и теперь пытались подняться.

– Батюшка! – воскликнул священник, желая что-то объяснить.

– Помню, отец Михаил, скажу ему, – ответил Пастырь, словно вопрос был уже задан.

Затем обратился к кому-то рядом:

– Дайте рабе Божьей Марии мою булку, пусть хоть булку съест. – И затем добавил, уже обратившись к женщине: – Все равно не пускаю к причащению. Не бесчинствуй, Мария, не допускаю! Нельзя так причащаться – молитвы в тебе нет, и на исповеди не была.

Молодой господин уже не видел ни священника, ни Марии с булкой. А видел только лицо отца Иоанна, сиявшее ярче солнца.

– Благословение Божие на новое место, – раздалось как бы с неба. – И молебен, обязательно отслужите молебен святителю Николаю Чудотворцу.

Из глаз молодого господина потекли слезы.

– Господи, как же я жил раньше! Я же ничего не знал и не понимал! Благодарю Тебя за все!

Из толпы молодого господина вытащил отец Михаил. Держа его за руку и пробираясь в менее оживленное место, священник что-то рассказывал на ходу. Но молодой господин не слышал его, а думал о только что пережитом. Долетели лишь последние слова спутника:

– Его обвиняют в том, что носит дорожную одежду. А по мне, так и должно быть. Ведь священник – престол Божий, он жертвенник. А уж батюшка – воистину Христов алтарь. На нем все – Божие. Ему-то и не надо ничего. Знаете, как он ест? Мало, как дитя. Я видел.

И отец Михаил отправился по неотложному делу. А молодой господин, немного придя в себя, продолжил свой путь на службу. В ближайшее воскресенье он и его небольшая семья придут на исповедь в Андреевский собор.

Более всего на свете Пастырь ценил молитвенное и покаянное состояние духа. В его дневнике есть записи о том, что он ел, сколько спал, на кого повысил голос и у кого просил прощения. Спал он мало, часа три или четыре в день. Из еды употреблял совсем немного продуктов и часто укорял себя за то, что поел рыбы. Насущным хлебом для него были Святые Таинства, к которым отец Иоанн всегда тщательно готовился. Он стремился причащаться Святых Таин ежедневно.

Отец Иоанн Кронштадтский вел свой дневник многие годы. Этот дневник вполне уместно назвать непрестанной письменной молитвой. Больше всего в нем покаянных вздохов и хвалы Господу Христу. Однако это несомненное свидетельство того, как сила Божия совершается в немощи человеческой. В течение нескольких лет даже самые близкие отца Иоанна не подозревали о его тяжелом недуге, возникшем после ножевых ранений при покушении. Это было мученичество.

Кронштадтский пастырь воистину стал Божественной рукой, протянутой из столетия в столетие. В начале священнического служения отец Иоанн вел переписку с Феофаном, затворником Вышенским, одним из самых значительных духовных наставников девятнадцатого столетия. Позднее, до самой кончины святителя Феофана, этой перепиской будет ведать священномученик Философ Орнатский, духовное чадо и помощник отца Иоанна. Сам отец Философ стал духовным отцом для многих священников. Духовными чадами Кронштадтского пастыря были многие видные иерархи того времени. Можно сказать смело, что именно отец Иоанн Кронштадтский сформировал людей Церкви, выстоявшей во времена гонений. Митрополит Серафим (Чичагов), митрополит Вениамин (Казанский) и, конечно, Святейший Патриарх Тихон – все спрашивали совета у Кронштадтского протоиерея, ибо это воистину был Пастырь пастырей.

В религиозной жизни конца первого десятилетия двадцатого века вряд ли найдутся фигуры более интересные, неоднозначные и противоположные, чем обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев и святой праведный Иоанн Кронштадтский. Долгое время их считали антагонистами. Для многих Победоносцев олицетворял и продолжает олицетворять «совиные крыла» ограниченности и косности. Иоанн Кронштадтский, наоборот, – горение, любовь и жертвенность.

В 1907 году Победоносцев скончался. Последние годы перед кончиной были для него, возможно, самыми тяжелыми. Новая так называемая «политика доверия общественным силам» для Победоносцева была неприемлема. Всесильный обер-прокурор подал в отставку. В вину Победоносцеву ставят отношение к отцу Иоанну Кронштадтскому: обер-прокурор не поверил святому! И так легко забывается, что именно этот «колдун», который «одной рукой кадил», другой – открыл отцу Иоанну дверь к людям. Именно Победоносцев просил смер-

тельно больного уже императора Александра принять Кронштадтского батюшку. Он верил в то, что именно из недр народных произойдет великий святой. Но когда появился тот, кто почти полностью соответствовал идеалу, Победоносцев его не узнал. Однако ему был симпатичен этот священник, он питал к нему до самой кончины теплое чувство.

В 1906 году Победоносцев пишет графу Шереметеву: «О поповстве и говорить нечего. Все поповство обезумело от пущенной в него свободы. Есть священники прекрасные, любящие народ. Но они все по углам скрываются, неведомые, а если узнает начальство, то и гонимые». Это высказывание очень подходит к отцу Иоанну Кронштадтскому. Именно Победоносцев сделал для него – чтобы не «по углам».

Любимым детищем отца Иоанна стал женский Свято-Иоанновский монастырь на Петроградской стороне. Завершение строительства стен обители совпало с кончиной Пастыря. Еще в самом начале строительства отец Иоанн предсказал, что так будет.

Декабрьские деньки в северной столице короткие. Сыпал мелкий сухой снег. Приближалось Рождество Христово 1908 года, а над речкой Карповкой росли стены монастыря.

– Какое сегодня число? – спросил Пастырь.

– Восемнадцатое, – поспешно, с легким поклоном ответила игуменья Ангелина – высокая, еще очень миловидная женщина.

– Слава Богу, еще два дня у нас. Все успеем сделать.

Отец Иоанн был уже очень слаб. Однако в нем сохранялся его прежний светлый бодрый дух, который сейчас чувствовался особенно сильно. Матери Ангелине казалось, что она видит вокруг него ангелов и что батюшка ходит уже по небесной земле. Лицо отца Иоанна сильно изменилось во время болезни – стало сухеньким, складчатым. Но в нем оставалось живое, почти шаловливое выражение. Это отмечают все, кто видел отца Иоанна: он всегда улыбался.

– Смотри, мать, а стены уже под крышу. Помнишь, что говорил? Успеем, все успеем, Бог поможет.

Батюшка сел в кресло, облокотился на спинку. На столике – несколько писем.

– Что там, матушка?

Игуменья стала разбирать письма. Под ними лежал батюшкин дневник, в котором батюшка давно ничего не писал. Но убирать не решались: а вдруг батюшка поправится?

В дневнике – записи для памяти: «Поликарп Михайлов усопший – поминать, его жена жива, Александра, сын Евстафий, 17 октября. Больной душевно, самоубийца, Носков Константин Аполлонович, жена Лидия Николаевна. Дмитрий Николаевич Ломан, жена Ольга Васильевна, дочь Надежда и сын Георгий. 17 октября». Пастырь дерзал своей молитвой спасать людей, уделяя им время из своей жизни, которой оставалось совсем немного.

Порой в дневнике встречаются строгие и обличительные записи. Вот одна из них: «У Башмаковой горное заведение стояло без дела несколько лет, и аренды с меня она не может и взять, ибо в мою пользу не было работ в участке. А между тем я заплатил аренды 100 руб. в сентябре месяце – за что? По болезни я не могу принять ее дар, а главное, по неимению средств».

– Дальше что?

Игуменья показала батюшке большой красивый конверт.

– От Победоносцевой. В марте – вторая годовщина. Посылает пожертвование, просит не забывать Константина Петровича.

Отец Иоанн заулыбался:

– Без Константина Петровича я бы не оказался у государя Александра. Строгий был человек, очень строгий. Большое сердце. Не мог вынести, не мог видеть того, что сделали со страной. Его не понимали. И меня не понимают.

Вдруг отец Иоанн смолк, всего на секунду. Спросил игуменью довольно строго:

– Ты не говорила никому, что меня порезали? Что я потом заболел. Никому?

– Батюшка, что вы! – поспешно ответила мать Ангелина.

– По грехам моим я недостойн был видеть и сороковой год жизни, а тут – восьмидесятый год, – улыбнулся отец Иоанн.

За пару лет до кончины батюшку пригласили для требы в один дом. Мать Ангелина помнит письмо инокине Ефросинии, ей лично, от некоей Надежды из купеческого сословия. Фамилии скрыты, так хотел отец Иоанн, понимая, что ситуация сложна и, если объявить о нападении на него, в городе будут погромы.

Вот письмо:

«Приехали мы в очень богатый дом, к больному; в столовой был сервирован стол и поставлены всевозможные закуски. Батюшка спрашивает: „А где больной?“ Ему показывают на комнату рядом и приглашают войти, а когда мы захотели за ним войти, нас быстро отстранили, и щелкнул замок. Мы все забеспокоились. Слышалась за дверью возня; две из нас стали стучать в дверь, а третья побежала за кучером, который был богатырской силы. Кучер вбежал и со всей силы плечом ударил в дверь и сломал замок. Нам представилась такая картина: батюшка лежал поперек кровати, на нем были подушки, а на них сидели три изувера; на полу была кровь. Кучер сбросил изуверов, взял на руки батюшку и отнес в карету. Мы все обливались слезами и просили у батюшки прощения. Мы не знали, что там были изуверы. Они порезали батюшке в паху. Когда батюшка пришел в себя, то строго запретил кому-либо говорить об этом, чтобы не было погромов. На другой день в газетах было объявлено, что батюшка болен».

Божия сила была такова, что раненый не оставил своих трудов. Он по-прежнему служил литургию, ездил на требы, несколько раз даже путешествовал. И только самым близким было известно, что отца Иоанна гложет недуг.

18 декабря, утром, пришел ключарь Андреевского собора с Дарами, чтобы батюшка смог причаститься Святых Таин. Отец Иоанн встал, сделал пару шагов. Все, кто был в комнате, обрадовались, потому что накануне отец Иоанн был очень слаб. Но силы вдруг покинули батюшку, так что его едва успели подхватить под руки. Так, поддерживаемый с двух сторон, однако же стоя, отец Иоанн причастился Святых Таин.

– Есть ли еще письма? – спросил Пастырь.

– Все, батюшка, благословите! – ответила игуменья. Хотя оставалось еще несколько писем, она не стала о них говорить.

– Вели, мать, колясочку приготовить. Поедем посмотреть, как строят. Стены уже под крышу. Но все равно успеем.

Череп

О старце Варсонофий Оптинском сохранилось довольно много воспоминаний. Дневник его духовного чада, «последнего Оптинского старца» Никона (Беляева), писался, когда будущий старец (и будущий исповедник) был еще послушником. Этот уникальный документ начат в самом конце 1907 года, а завершается в самом начале ноября 1910-го. За пару дней до кончины Льва Николаевича Толстого. В дневнике о кончине великого писателя ничего нет. Но атмосфера напитана тревогой и предчувствием катастрофы, которая уже близко подступила. То было глубокое мрачноватое затишье перед бурей. Старец Варсонофий пережил писателя на два с половиной года. Судьбы их таинственно и глубоко связаны.

Павел Иванович Плиханков, будущий старец Варсонофий, происходил из казаков. Отец его жил и служил в Оренбурге. Павел был смолodu приучен к строгому порядку. Одно из самых ярких воспоминаний детства, как старец рассказывал духовным чадам, – литургия. Мачеха Павла, женщина набожная, часто будила его затемно и вела в храм. Так старец привык встречать солнце. Павел Иванович Плиханков был уже полковником, сорока шести лет, когда стал послушником в Оптиной. Сослуживцы недоумевали: ведь у Павла Ивановича жизнь

только начинается! Полковник – видный собой, одаренный музыкально и литературно человек, умница! И вдруг – отставка, монахи. Не сбрендил ли, шептались между собою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.